

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-466-489

EDN: KMTXKG

УДК 159.9:316.6

Исследовательская статья

Контекстуальные и индивидуально-личностные факторы психологической адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане

А.В. Трифонова^{ID}, Н.М. Лебедева^{ID}

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
 avtrifonova@hse.ru

Аннотация. Индивидуально-личностные и контекстуальные факторы в процессе аккультурации действуют не независимо друг от друга, а совокупно, демонстрируя тесные взаимосвязи. В связи с этим важное значение приобретает изучение личностных и контекстуальных факторов адаптации в рамках единого комплексного подхода. Настоящее поисковое эмпирическое исследование направлено на изучение комплексных личностно-контекстуальных факторов психологической адаптации представителей этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане. В социально-психологическом опросе приняли участие 300 эстонцев ($M_{\text{возраст}} = 37,09$, $SD = 17,34$; 46,4% – женщины) и 300 кыргызов ($M_{\text{возраст}} = 35,83$, $SD = 16,47$; 68,0% – женщины). Для диагностики применялись шкалы из опросника MIRIPS, шкала локальной идентичности О. Дроселтис и В.Л. Вигнолес, а также методики для измерения идентичностей и межкультурных установок, разработанные в ЦСКИ НИУ ВШЭ. В качестве индикаторов психологической адаптации выступали показатели психологического благополучия – удовлетворенность жизнью (шкала Э. Динера) и самоуважение (шкала М. Розенберга). С помощью поискового моделирования структурными уравнениями в обеих странах были выделены три комплексных фактора адаптации: этнокультурная самобытность, ориентация на мультикультурализм и воспринимаемая инклюзивность контекста. И в Эстонии, и в Кыргызстане этнокультурная самобытность положительно связана с эксклюзивными аккультурационными ожиданиями, ориентация на мультикультурализм положительно связана с ожиданием интеграции и отрицательно — с ожиданием ассимиляции, воспринимаемая инклюзивность контекста отрицательно связана с ожиданием сепарации русских. Культурно-универсальными являются также положительные взаимосвязи воспринимаемой инклюзивности контекста с показателями психологического благополучия.

Ключевые слова: аккультурация, аккультурационные ожидания, этническое большинство, психологическое благополучие, Эстония, Кыргызстан

Благодарности и финансирование. Н.М. Лебедева: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

© Трифонова А.В., Лебедева Н.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Аккультурация – это двусторонний процесс, затрагивающий как этническое большинство, так и меньшинства. Для понимания специфики аккультурационных процессов, протекающих в том или ином обществе, необходимо учитывать перспективы обеих групп. Однако среди социально-психологических исследований, посвященных проблемам аккультурации, доминируют работы, фокусирующиеся прежде всего на мигрантах и этнических меньшинствах. При этом особенностям протекания процессов аккультурации среди представителей принимающего общества, как правило, уделяется меньше внимания (Lefringhausen et al., 2023). Между тем этническое большинство точно так же, как и меньшинства, вынуждено адаптироваться к тем изменениям, которые происходят в результате длительного контакта с представителями другой культуры. Более того, представители большинства в силу своей доминирующей позиции в принимающем обществе могут играть ключевую роль в процессах взаимной аккультурации, определяя «правила игры» (Bourhis et al., 1997). В связи с этим важным представляется изучение факторов, способствующих успешной адаптации представителей принимающего общества к тем изменениям, которые происходят в процессе аккультурации.

Как и в исследованиях, посвященных проблемам аккультурации мигрантов и меньшинств, в работах, фокусирующихся на принимающем населении, чаще всего выделяют социокультурную и психологическую адаптацию. Под социокультурной адаптацией понимают способность индивида справляться с вызовами поликультурной среды, то есть успешно функционировать в обществе, отличающемся культурным разнообразием. Индикаторами психологической адаптации традиционно выступают показатели психологического благополучия, например, удовлетворенность жизнью и самоуважение (Haugen, Kunst, 2017; Kunst et al., 2021a). В настоящей статье мы фокусируемся на психологической адаптации. Результаты исследований показывают, что психологическая адаптация может быть связана с межгрупповыми установками представителей принимающего общества. Так, например, ожидание интеграции мигрантов и меньшинств демонстрирует позитивную взаимосвязь с психологическим благополучием (Берри и др., 2019; Inguglia et al., 2020).

Среди факторов, оказывающих влияние на процесс аккультурации и его результаты, выделяют как индивидуально-личностные характеристики участников аккультурационного процесса – например, ценности (Lefringhausen et al., 2020), социальные аксиомы (Safdar et al., 2008), стили привязанности (Van Oudenhoven, Hofstra, 2006), черты личности (Kunst et al., 2021b), социальные идентичности (Piontkowski et al., 2000), межкультурные установки (Hui et al., 2015); так и характеристики контекста аккультурации – например, идеологии поликультурности и особенности государственной политики по

отношению к мигрантам и меньшинствам (Bourhis et al., 1997), культурная дистанция между группами (Piontkowski et al., 2000), воспринимаемая дискриминация и угроза (Haugen, Kunst, 2017). Исследования показывают, что индивидуально-личностные и контекстуальные факторы действуют не независимо друг от друга, а демонстрируют тесные взаимосвязи. Так, например, восприятие контекста аккультурации и межгрупповых отношений во многом определяется социальными идентичностями (Eccleston, Major, 2006). Контекстуально-обусловленные факторы в свою очередь могут оказывать влияние на идентичности и межкультурные установки (Verkuyten, Thijs, 2002). Исходя из этого мы можем предположить, что индивидуально-личностные характеристики участников межкультурного взаимодействия и особенности социокультурного контекста могут взаимодействовать друг с другом, обуславливая аккультурационные предпочтения и влияя тем самым на психологическое благополучие.

Настоящее поисковое эмпирическое исследование направлено на выявление взаимного вклада социальных идентичностей, прескриптивных межкультурных установок и воспринимаемого контекста в успешность адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане. Социокультурные контексты и постсоветские траектории развития этих двух республик значительно отличаются, что, с одной стороны, позволяет проследить роль контекста для объяснения межстрановых различий в паттернах взаимосвязей факторов аккультурации и психологической адаптации представителей принимающего общества, а с другой стороны, попытаться выявить культурные универсалии.

Ниже представлен краткий обзор индивидуально-личностных и контекстуальных факторов адаптации, рассматриваемых в настоящем исследовании.

Индивидуально-личностные факторы

Идентичности. Ощущение собственной принадлежности к той или иной социальной группе может способствовать формированию определенной картины мира, обуславливая аккультурационные предпочтения и психологическое благополучие (Eccleston, Major, 2006). Например, ярко выраженная идентификация с этнической группой зачастую способствует восприятию мигрантов и меньшинств в качестве угрозы, что ведет к негативным межгрупповым установкам и эксклюзивным аккультурационным ожиданиям (Leong, 2008). В последнее время в фокусе внимания исследователей все чаще оказываются множественные социальные идентичности (Martinovic, Verkuyten, 2012). Это связано с тем, что процесс аккультурации может актуализировать чувство принадлежности сразу к нескольким социальным группам. Таким образом, важное значение для аккультурации и ее результатов могут иметь не только отдельные виды идентичностей сами по себе, но и взаимоотношения между ними (Badea et al., 2011). В настоящем исследовании в качестве индивидуально-обусловленных факторов адаптации мы

рассматриваем этническую, гражданскую, советскую, цивилизационную (европейскую для эстонцев и тюркскую для кыргызов) и религиозную идентичности, а также идентификацию с местом.

Прескриптивные межкультурные установки отражают представления индивида об идеальном устройстве поликультурного общества (Wolsko et al., 2006). Установка на мультикультурализм предполагает позитивную оценку культурного многообразия и принятие идеи равенства этнических групп. Исследования показывают, что поддержка мультикультурной идеологии у представителей большинства связана с более позитивным восприятием представителей аут-групп (Verkuyten, 2005), что способствует психологическому благополучию (Breugelmans, van de Vijver, 2004).

Контекстуально-обусловленные факторы

Под *дескриптивными межкультурными установками* мы понимаем субъективную оценку степени ориентированности общества на культурное разнообразие и межгрупповое равенство. Ключевую роль здесь играет повседневный опыт индивида, связанный с проживанием в поликультурной среде, и его субъективная интерпретация. Исследования показывают, что субъективно воспринимаемый (нормативный) мультикультурализм положительно связан с гражданской идентичностью и чувством близости к своей стране. С другой стороны, практики мультикультурализма, существующие в обществе, могут восприниматься представителями большинства как угроза, формируя негативные межгрупповые установки (Stuart, Ward, 2019).

Воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ – это субъективно оцениваемая возможность перехода из одной социальной группы в другую. По мнению экспертов, существует взаимосвязь между воспринимаемой проницаемостью межгрупповых границ и аккультурационными предпочтениями (Piontkowski et al., 2000). Так, эссенциализм, то есть убежденность в непроницаемости межгрупповых границ, может использоваться как для оправдания сегрегации и исключения аут-групп, так и для подвергания сомнению возможности ассимиляции мигрантов и меньшинств (Verkuyten, 2003). Согласно исследованиям, у этнического большинства эссенциализм положительно связан с негативными стереотипами, предубеждением по отношению к представителям аут-группы и неприятием идеологии мультикультурализма (Verkuyten, Brug, 2004). В то же время проницаемые границы могут восприниматься представителями доминантных групп как угроза: членство в группе с высоким статусом способствует позитивной социальной идентичности, а проницаемость межгрупповых границ может нарушать статус-кво (Verkuyten, Reijerse, 2008).

Воспринимаемая безопасность/угроза играет важную роль в процессе аккультурации. Ощущение безопасности способствует принятию представителей другой культуры, в то время как отсутствие безопасности существенно усложняет взаимную адаптацию мигрантов и принимающего населения (Berry, 2017). Результаты мета-анализа, проведенного Рик с коллегами (Riek

et al., 2006), показывают, что воспринимаемая угроза предсказывает негативные установки по отношению к аут-группам. Причем негативные реакции могут возникать даже в том случае, если воспринимаемая угроза направлена на группу в целом и не затрагивает интересов индивида напрямую. Исследования показывают, что воспринимаемая безопасность/угроза может выступать важным предиктором аккультурационных ожиданий (Badea et al., 2018). Так, например, воспринимаемая угроза может быть положительно связана с ожиданием принятия культуры большинства и отрицательно — с ожиданием сохранения культуры меньшинства (López-Rodríguez et al., 2014).

Цель, задачи и исследовательские вопросы

Целью настоящего поискового эмпирического исследования является изучение комплексных личностно-контекстуальных факторов психологической адаптации представителей этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане. Мы ставим перед собой следующие задачи:

- выявление комплексных личностно-контекстуальных факторов адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане;
- выявление взаимосвязей этих комплексных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием представителей этнического большинства в данных республиках.

Исследовательские вопросы:

ИБ1: образуют ли индивидуально-личностные и контекстуальные факторы адаптации единый и универсальный комплекс личностно-контекстуальных факторов аккультурации и психологической адаптации этнического большинства в двух странах?

ИБ2: выступают ли комплексные личностно-контекстуальные факторы предикторами аккультурационных ожиданий, толерантности и психологического благополучия этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане?

Процедура и методы исследования

Участники

В исследовании приняли участие 300 эстонцев в возрасте от 18 до 86 лет ($M = 37,09$, $SD = 17,34$; 46,4 % – женщины) и 300 кыргызов в возрасте от 18 до 64 лет ($M = 35,83$, $SD = 16,47$; 68,0 % – женщины). Респонденты с высшим образованием среди эстонцев составляют 39,7 %, среди кыргызов – 68,7 %; со средним специальным образованием – 12,7 % и 14,3 % соответственно; со средним образованием – 46,0 % и 16,7 % соответственно; с неполным средним образованием – 1,7 % и 0,3 % соответственно.

Процедура

Сбор данных (2020 год) проходил с использованием удобной выборки и метода снежного кома. Содействие в распространении опросника оказывали коллеги из Кыргызско-Российского славянского университета (Кыргыз-

стан) и Таллинского университета (Эстония). Респондентам гарантировалась анонимность.

Инструменты

Кыргызы заполняли опросник на русском, эстонцы – на эстонском языке. Все методики, которые ранее не переводились на эстонский язык, были переведены и адаптированы к эстонскому контексту, а также прошли дополнительную экспертную проверку носителями эстонского языка. Структурная валидность шкал проверялась с помощью конфирматорного факторного анализа методом диагонально взвешенного наименьшего квадрата. Для ответов на вопросы (кроме случаев, отмеченных ниже) респонденты использовали 5-балльную шкалу Ликерта, в которой «1» – «абсолютно не согласен», а «5» – «полностью согласен».

Личностные (индивидуальные) факторы адаптации

Для измерения *этнической и гражданской идентичностей* использовались шкалы из опросника MIRIPS (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). Обе шкалы включали в себя по 4 утверждения, примеры пунктов: «Я считаю себя эстонцем/кыргызом» (этническая идентичность, все $\alpha > 0,85$), «Я считаю себя гражданином Эстонии/Кыргызстана» (гражданская идентичность, все $\alpha > 0,83$).

Религиозная, советская и цивилизационная идентичности (Велкова, 2020) измерялись с помощью модифицированных вопросов из опросника MIRIPS (Berry, 2017) и шкалы М. Веркайтена (Verkuyten, 2007). Каждая шкала включала в себя 4 утверждения, примеры пунктов: «Моя религиозная принадлежность – важная часть меня» (религиозная идентичность, все $\alpha > 0,93$), «Я считаю себя советским человеком» (советская идентичность, все $\alpha > 0,93$), «Я считаю себя европейцем / частью тюркского мира» (цивилизационная идентичность, $\alpha > 0,90$).

Для измерения *идентификации с местом* мы использовали 4 утверждения из шкалы идентичности с местом (Droseltis, Vignoles, 2010), например: «Здесь я чувствую себя дома», $\alpha > 0,76$.

Для измерения *прескриптивных межкультурных установок* (идеального мультикультурализма) мы использовали две шкалы, построенные по итогам конфирматорного факторного анализа сокращенного варианта пересмотренной шкалы мультикультурной идеологии (rMCI) (Berry, 2020). В первую шкалу вошли 2 переменные, измеряющие *отношение к культурному разнообразию*, пример пункта: «Это правильно – помогать этническим группам сохранять их культуры», все $\alpha > 0,53$; во вторую шкалу – вошли 3 переменные, измеряющие *отношение к равноправию между представителями разных культурных групп (ориентацию на межгрупповое равенство)*, пример пункта: «Наше отношение к людям не должно зависеть от их этнической принадлежности», все $\alpha > 0,71$.

Контекстуальные факторы адаптации

Воспринимаемая угроза измерялась с помощью шкалы из опросника MIRIPS (Berry, 2017; Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009),

включающей в себя 5 пунктов, например: «Меня дразнили или оскорбляли из-за моей национальности», $\alpha > 0,83$.

Дескриптивные межкультурные установки измерялись с помощью 5 модифицированных вопросов из краткого варианта пересмотренной шкалы мультикультурной идеологии (rMCI) (Berry, 2020), пример пункта: «В Эстонии/Кыргызстане отношение к людям не зависит от их этнической принадлежности», $\alpha > 0,82$.

Воспринимаемая безопасность измерялась с помощью шкалы из опросника MIRIPS (Berry, 2017; Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009), пример пункта: «Я считаю, что Эстония/Кыргызстан сегодня безопасное место для жизни». Изначально шкала включала в себя 3 утверждения, однако по результатам конфирматорного анализа из шкалы, использовавшейся на кыргызской выборке, был удален один пункт, продемонстрировавший слабую связь с латентным фактором («В Кыргызстане есть место разнообразию языков и культур»). Таким образом, в Кыргызстане использовалась шкала, состоящая из двух пунктов, а в Эстонии – шкала, состоящая из трех пунктов, все $\alpha > 0,56$.

Воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ измерялась с помощью шкалы, состоящей из 4 вопросов, например: «Независимо от того, какие усилия предпринимает русский человек, стать «своим» среди эстонцев/кыргызов ему...». Для ответов респондентам предлагалось использовать 5-балльную шкалу Ликерта, в которой «1» – «очень трудно», а «5» – «очень легко», все $\alpha > 0,75$.

Межгрупповые установки

Аккультурационные ожидания и толерантность измерялись с помощью шкал из опросника MIRIPS (Berry, 2017; Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009). По результатам конфирматорного факторного анализа мы удалили из шкал пункты, продемонстрировавшие слабую связь с латентными конструктами.

Шкала ожидания ассимиляции включала 3 пункта, например, «Я считаю, что русские, живущие в Эстонии/Кыргызстане, должны усваивать эстонские / кыргызские культурные традиции и не поддерживать собственные», все $\alpha > 0,64$. *Ожидание интеграции* измерялось с помощью шкалы, включающей в себя 3 утверждения, например: «Я считаю, что русские, живущие в Эстонии/Кыргызстане, должны как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать эстонские/кыргызские», все $\alpha > 0,60$. *Ожидание сепарации* у кыргызов измерялось с помощью шкалы, включавшей в себя 3 пункта, у эстонцев – с помощью шкалы, включавшей 2 пункта, например: «Я считаю, что русские, живущие в Эстонии/Кыргызстане, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать эстонские/кыргызские», все $\alpha > 0,44$.

Шкала толерантности включала в себя три пункта, например: «Если работодатели хотят принимать на работу только людей определенной национальности – это их дело» (обратный вопрос), все $\alpha > 0,63$.

Психологическая адаптация

В качестве индикаторов психологической адаптации использовались показатели психологического благополучия – самоуважение и удовлетворенность жизнью.

Для измерения *самоуважения* мы использовали 4 утверждения из шкалы М. Розенберга, адаптированные для использования в России (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009) и в Эстонии (Pullmann, Allik, 2000), например: «В целом я удовлетворен собой», $\alpha > 0,86$.

Удовлетворенность жизнью измерялась с помощью 4 утверждений из шкалы Э. Динера, переведенных на русский (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009) и эстонский языки, например: «Во многом, моя жизнь близка к идеалу», все $\alpha > 0,75$.

Анализ данных

Для выявления оптимального количества комплексных личностно-контекстуальных факторов и оценки устойчивости факторной модели использовался поисковый анализ графов с бутстреппингом (Golino, Epskamp, 2017). Построение латентных личностно-контекстуальных факторов и выявление их взаимосвязей с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием эстонцев и кыргызов проводилось с помощью поискового моделирования структурными уравнениями (Marsh et al., 2014).

Результаты

Результаты поискового анализа графов, осуществленного на *эстонской выборке*, указывают на оптимальность 3-факторного решения. Однако анализ стабильности факторной модели, проведенный с помощью бутстреппинга (1000 итераций), показывает, что 3-факторное решение воспроизводится лишь в 71 % случаев, что может свидетельствовать о проблемах с устойчивостью. С целью повышения стабильности 3-факторной модели мы удалили из нашего набора переменных религиозную идентичность, продемонстрировавшую слабую взаимосвязь с латентными конструктами и в 20 % случаев формировавшую отдельный, 4-й фактор. Трехфакторная модель, построенная на усеченном наборе переменных (без религиозной идентичности), показывает высокий уровень устойчивости – она воспроизводится на 92 % выборок.

Основываясь на результатах поискового анализа графов, мы построили 3 комплексных личностно-контекстуальных фактора с помощью поискового моделирования структурными уравнениями (косое вращение геомин, робастный метод максимального правдоподобия). Трехфакторная модель (таблица) показала приемлемые индексы пригодности: $\chi^2/df = 2,36$, $p = 0,00$, $CFI = 0,95$, $SRMR = 0,04$, $RMSEA = 0,07$.

**Результаты поискового моделирования структурными уравнениями /
Results of ESEM**

Факторы адаптации / Adaptation factors	Факторные нагрузки / Loadings					
	1		2		3	
	Эстония / Estonia	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Эстония / Estonia	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Эстония / Estonia	Кыргызстан / Kyrgyzstan
Этническая идентичность / Ethnic identity	0,81	0,89	–0,01	0,01	–0,02	–0,03
Гражданская идентичность / National identity	0,93	0,99	0,06	0,01	0,08	–0,05
Идентификация с местом / Place identity	0,46	0,41	–0,05	0,14	0,35	0,30
Религиозная идентичность / Religious identity	–	0,49	–	–0,06	–	0,33
Советская идентичность / Soviet identity	–0,12	0,15	–0,24	0,31	0,02	0,03
Цивилизационная идентичность / Civilizational identity	0,31	–	0,49	–	0,02	–
Воспринимаемая безопасность / Perceived security	0,25	0,04	0,01	–0,13	0,52	0,48
Воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ / Perceived permeability of intergroup borders	–0,04	0,01	0,09	0,01	0,68	0,36
Дескриптивные межкультурные установки / Descriptive intercultural attitudes	0,02	–0,002	–0,01	–0,07	0,56	0,71
Воспринимаемая угроза / Perceived threat	–0,007	–0,04	–0,56	–0,47	–0,20	0,07
Ориентация на культурное разнообразие / Focus on cultural diversity	–0,07	0,10	0,45	0,73	–0,02	–0,31
Ориентация на межгрупповое равенство / Focus on intergroup equality	–0,07	–0,07	0,84	0,62	–0,05	0,06

В *эстонской выборке* в первый фактор с наибольшими нагрузками вошли *гражданская и этническая идентичности*, а также *идентификация с местом*. Их подкрепляют *цивилизационная (европейская) идентичность* и *воспринимаемая безопасность*. Поскольку наиболее высокие нагрузки по данному фактору демонстрируют переменные, связанные с близостью к Эстонии и эстонской культуре, мы назвали этот фактор «*Этнокультурная самобытность*».

Во второй фактор с наибольшими нагрузками вошли *ориентация на межгрупповое равенство и культурное разнообразие, цивилизационная (европейская) идентичность*, а также *воспринимаемая угроза* (с отрицательным знаком). Слабую отрицательную нагрузку по этому фактору демонстрирует также *советская идентичность*. Второй фактор получил условное название «*Ориентация на мультикультурализм*», поскольку высокие нагрузки по этому фактору показывают переменные, связанные с поддержкой мультикультурной идеологии.

Наибольшие нагрузки по третьему фактору имеют переменные, связанные с воспринимаемой инклюзивностью контекста: *воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ, дескриптивные межкультурные установки*

и воспринимаемая безопасность. Их подкрепляет идентификация с местом. Третий фактор получил название «Воспринимаемая инклюзивность контекста».

Далее мы проанализировали взаимосвязи комплексных личностно-контекстуальных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием эстонцев. Модель (рис. 1) показала приемлемые индексы пригодности: $\chi^2/df = 2,04$, $p = 0,00$, $CFI = 0,92$, $SRMR = 0,06$, $RMSEA = 0,06$. Согласно результатам анализа, *этнокультурная самобытность* положительно связана с ожиданием ассимиляции и сепарации русских (связь с сепарацией фиксируется лишь на уровне тенденции, $p = 0,08$). *Ориентация на мультикультурализм* отрицательно связана с ожиданием ассимиляции и сепарации русских и положительно — с ожиданием интеграции и толерантностью. *Воспринимаемая инклюзивность контекста* отрицательно связана с ожиданием ассимиляции и сепарации.

Что касается психологического благополучия, то *этнокультурная самобытность* положительно связана с самоуважением, *ориентация на мультикультурализм* положительно связана с удовлетворенностью жизнью (связь фиксируется на уровне статистической тенденции, $p = 0,07$), а *воспринимаемая инклюзивность контекста* положительно связана с самоуважением и удовлетворенностью жизнью.

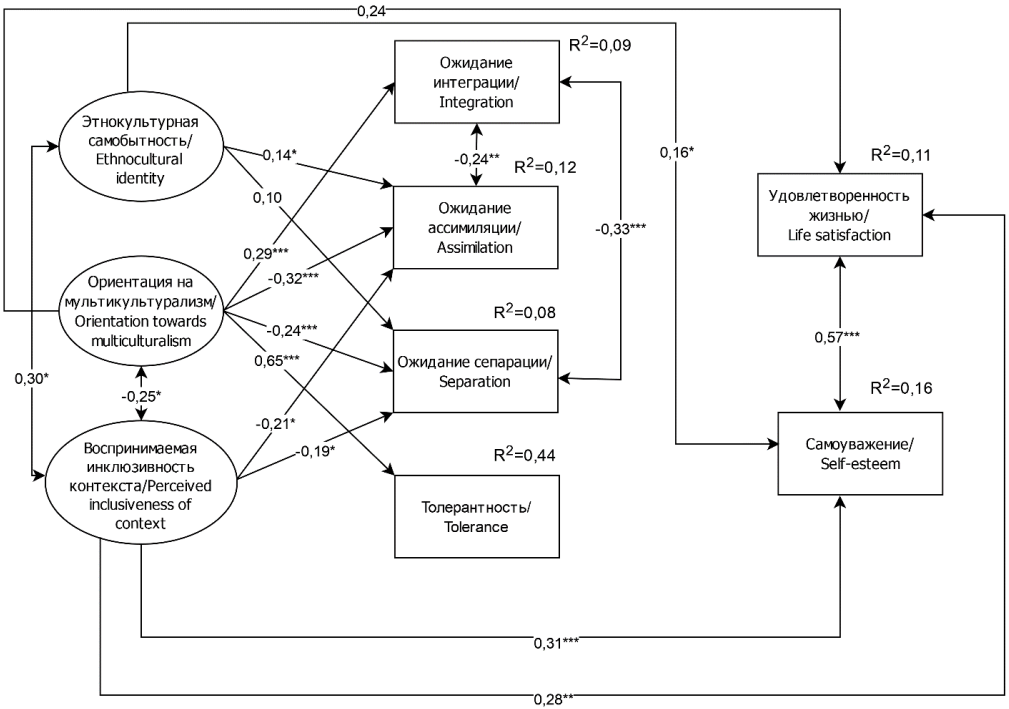

Рис. 1. Взаимосвязь между комплексными личностно-контекстуальными факторами адаптации, аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием эстонцев (показаны только значимые связи)

Fig. 1. Relationship between complex individual-contextual factors of adaptation, acculturation expectations, tolerance and psychological well-being of Estonians (only significant paths are shown)

Примечание./Note. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Результаты поискового анализа графов, проведенного в *кыргызской выборке*, указывают на наличие трех факторов. Однако анализ стабильности факторной структуры, выполненный с помощью бутстреппинга (1000 ите-

раций), показывает, что 3-факторное решение воспроизводится лишь в 65 % случаев, что может свидетельствовать о неустойчивости 3-факторной модели. Для повышения стабильности факторного решения мы удалили из дальнейшего анализа цивилизационную (тюркскую) идентичность, продемонстрировавшую слабые взаимосвязи с латентными факторами. Результаты поискового анализа графов, проведенного на усеченном наборе переменных (без цивилизационной идентичности), также свидетельствуют в пользу 3-факторного решения. Анализ с бутстреппингом (в 1000 итераций) указывает на приемлемую устойчивость 3-факторной модели: она воспроизводится в 84 % случаев.

На следующем этапе с помощью поискового моделирования структурными уравнениями (косое вращение геомин, робастный метод максимального правдоподобия) мы построили 3 комплексных личностно-контекстуальных фактора. Модель (см. таблицу) показала приемлемые индексы пригодности: $\chi^2/df = 3,19$, $p = 0,00$, $CFI = 0,95$, $SRMR = 0,04$, $RMSEA = 0,08$.

В *кыргызской выборке* в первый фактор с наибольшими нагрузками вошли *этническая, гражданская, религиозная идентичности и идентификация с местом*. Мы дали первому фактору условное название *этнокультурная самобытность*.

Наибольшие нагрузки по второму фактору демонстрируют прескриптивные межкультурные установки (*ориентация на культурное многообразие и межгрупповое равенство*), а также *воспринимаемая угроза* (с отрицательным знаком). Также слабый положительный вклад во второй фактор вносит *советская идентичность*. Мы проинтерпретировали второй фактор как *ориентацию на мультикультурализм*.

В третий фактор с наибольшими нагрузками вошли *дескриптивные межкультурные установки, воспринимаемая безопасность и воспринимаемая проницаемость межгрупповых границ*. Их подкрепляет религиозная идентичность. Мы назвали третий фактор *воспринимаемая инклюзивность контекста*.

Далее мы проанализировали взаимосвязи комплексных личностно-контекстуальных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием кыргызов. Модель (рис. 2) продемонстрировала хорошие показатели пригодности: $\chi^2/df = 1,37$, $p = 0,02$, $CFI = 0,98$, $SRMR = 0,06$, $RMSEA = 0,04$. Результаты анализа показали, что *этнокультурная самобытность* у кыргызов положительно связана с ожиданием сепарации и отрицательно — с толерантностью. *Ориентация на мультикультурализм* положительно связана с ожиданиями сепарации и интеграции русских и отрицательно — с ожиданием ассимиляции. *Воспринимаемая инклюзивность контекста* отрицательно связана с ожиданием сепарации русских и положительно — с толерантностью.

Что касается психологического благополучия, то *ориентация на мультикультурализм* у кыргызов положительно связана с самоуважением, а *воспринимаемая инклюзивность контекста* — с удовлетворенностью жизнью. Статистически значимые взаимосвязи *этнокультурной самобытности* с показателями психологического благополучия не обнаружены.

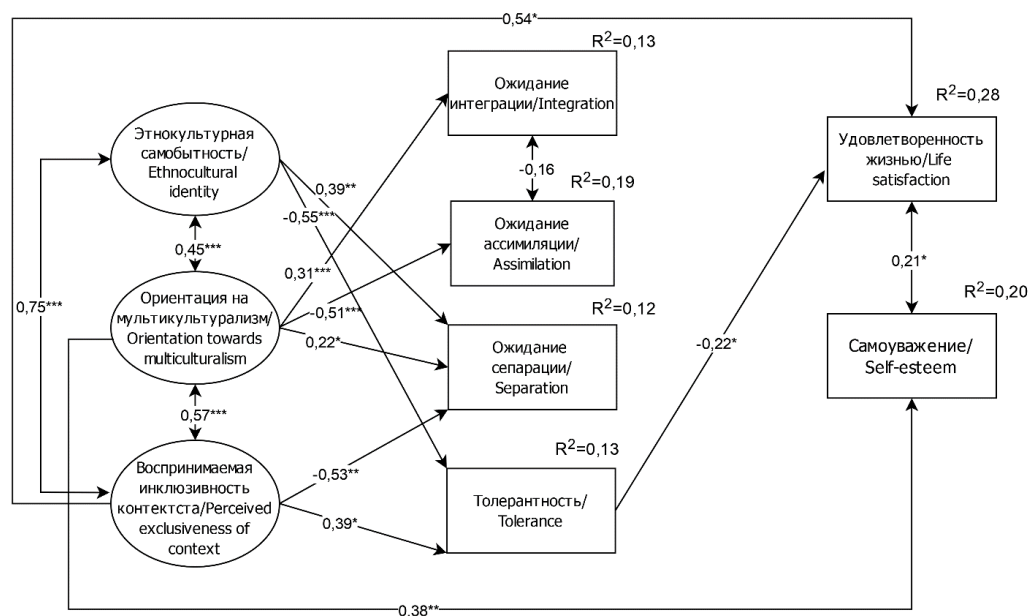

Рис. 2. Взаимосвязь между комплексными личностно-контекстуальными факторами адаптации, аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием кыргызов (показаны только значимые связи)

Fig. 2. Relationship between complex individual-contextual factors of adaptation, acculturation expectations, tolerance and psychological well-being of Kyrgyzs (only significant paths are shown)
Примечание/Note. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Обсуждение результатов

Настоящее исследование было направлено на выявление комплексных личностно-контекстуальных факторов адаптации среди представителей этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане, а также на обнаружение взаимосвязей этих комплексных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием.

Проведенный анализ позволил выделить три комплексных личностно-контекстуальных фактора в каждой стране.

В первый фактор, получивший название *этнокультурная самобытность*, с высокими нагрузками в обеих странах вошли этническая и гражданская идентичности, а также идентификация с местом. В Эстонии их подкрепляют цивилизационная (европейская) идентичность и воспринимаемая безопасность. В Кыргызстане – религиозная идентичность. Мы исключили религиозную идентичность из эстонского набора переменных, однако результаты поискового анализа графов позволяют предположить, что религиозная идентичность не входит в число ключевых компонентов этнокультурной самобытности эстонцев. Отсутствие взаимосвязи между религиозной идентичностью и этнокультурной самобытностью может быть обусловлено низкой религиозностью эстонцев. Согласно результатам переписи населения 2021 года, доля тех, кто не причисляет себя к той или иной религии, среди эстонцев составила 71 %¹. Для сравнения, в Кыргызстане более 80 % насе-

¹ *Statistics Estonia*. Population census. The proportion of people with a religious affiliation remains stable, Orthodox Christianity is still the most widespread. 2022. URL:

ления относит себя к мусульманам (Абдылдаева, 2018). Отсюда, вероятно, тесная взаимосвязь между религиозной идентичностью и этнокультурной самобытностью кыргызов. Что касается цивилизационной идентичности, то на важность европейской компоненты для самосознания эстонцев указывали и результаты предыдущих исследований (Valk, 2018). Мы исключили цивилизационную (тюркскую) идентичность из кыргызского набора переменных, однако результаты поискового анализа графов указывают на слабую взаимосвязь тюркской идентичности с этнокультурной самобытностью кыргызов.

Анализируя взаимосвязи первого фактора с межгрупповыми установками эстонцев и кыргызов, мы обнаружили, что в обеих странах *этнокультурная самобытность* положительно связана с эксклюзивными аккультурационными предпочтениями (Leong, 2008) – с ожиданиями сепарации (в обеих странах, но в Эстонии эта взаимосвязь выражена слабее и фиксируется на уровне тенденции) и ассимиляции (в Эстонии) русских. Кроме того, в Кыргызстане нами была выявлена отрицательная взаимосвязь первого фактора и толерантности, что также свидетельствует об эксклюзивной роли этнокультурной самобытности. Эксперты подчеркивают, что выраженность социальной идентичности положительно связана со стремлением к сохранению «своей» культуры, что может вести к отвержению и исключению представителей других групп (Verkuyten, Thijs, 2002). В отличие от ожиданий ассимиляции и сепарации, ожидание интеграции предполагает готовность к принятию элементов чужой культуры в своем обществе (Lefringhausen et al., 2023), что может представлять сложность для человека с ярко выраженной этнокультурной самобытностью. Отсюда, вероятно, аккультурационные ожидания сепарации или ассимиляции. Примечательно, что и в Эстонии, и в Кыргызстане гражданская идентичность входит в фактор этнокультурной самобытности, связанный с эксклюзивными аккультурационными предпочтениями. По мнению экспертов, эксклюзивная роль гражданской идентичности характерна для не-иммигрантских, изначально однородных по своему этническому составу стран (в отличие от стран, основанных иммигрантами-поселенцами и отличающихся большим культурным разнообразием) (Verkuyten, 2021). В таких не-иммигрантских странах гражданство, как правило, рассматривается с позиций эссенциализма: статус гражданина предполагает наличие у индивида определенных этнокультурных характеристик. Как следствие – гражданская идентичность зачастую выполняет эксклюзивную, а не объединяющую функцию.

Второй комплексный фактор получил название «*Ориентация на мультикультурализм*». В обеих странах в него вошли прескриптивные межкультурные установки (ориентация на культурное разнообразие и межгрупповое равенство), а также воспринимаемая угроза (с отрицательным знаком). Отрицательная взаимосвязь между уровнем поддержки мультикультурной идеологии и воспринимаемой угрозой у представителей доминантных групп фиксировалась и в предыдущих исследованиях (Badea et al., 2018). В целом исследования указывают на положительную взаимосвязь воспринимаемой

<https://www.stat.ee/en/news/population-census-proportion-people-religious-affiliation-remains-stable-orthodox-christianity-still-most-widespread> (дата обращения: 09.02.2024).

угрозы и негативных установок по отношению к аут-группам (Riek et al., 2006). Это согласуется с гипотезой мультикультурализма Дж. Берри, согласно которой отсутствие уверенности в безопасности своей культуры и идентичности ведет к враждебности по отношению к представителям других культур (Berry, 2017). В обеих странах положительный вклад в ориентацию на мультикультурализм вносят наднациональные идентичности: европейская – в Эстонии и советская – в Кыргызстане. На позитивную роль наднациональных и наднациональных идентичностей в межгрупповых отношениях указывают и результаты предыдущих исследований: так, например, выраженность европейской идентичности демонстрирует положительную взаимосвязь с позитивными установками по отношению к мигрантам (Curtis, 2014). Мы можем предположить, что и в Эстонии, и в Кыргызстане наднациональные идентичности выполняют инклюзивную функцию, способствуя сближению меньшинств и принимающего населения. Примечательно, однако, что у эстонцев советская идентичность входит в фактор ориентации на мультикультурализм с отрицательным знаком. Это может быть связано с эксклюзивным, разъединяющим характером советской идентичности в эстонском контексте.

Ориентация на мультикультурализм в обеих странах положительно связана с ожиданием интеграции русских и отрицательно — с ожиданием ассимиляции. Таким образом, в обеих странах данный фактор способствует преодолению «страха» перед чужой культурой у представителей доминирующих групп: чем выше уровень ориентации на мультикультурализм, тем меньше представители этнического большинства ожидают от русских отказа от своего языка и культуры. У эстонцев позитивная роль прескриптивного мультикультурализма проявляется также в положительной взаимосвязи с толерантностью. Интересными представляются взаимосвязи второго фактора с ожиданием сепарации: в Эстонии ориентация на мультикультурализм отрицательно связана с ожиданием сепарации русских, в то время как в Кыргызстане наблюдается положительная взаимосвязь между этими конструктами. Мы можем предположить, что негативная взаимосвязь между ориентацией на мультикультурализм и ожиданием сепарации русских в Эстонии связана с негативным наследием советского периода, когда в эстонском обществе существовала сегментация по этническому признаку, способствовавшая возникновению в республике двух различных, почти не пересекающихся миров – русскоязычного и эстонского. Их представители жили в разных районах, работали в разных отраслях экономики и на разных предприятиях, ходили в разные школы. Обособленное существование русскоязычной общины в Эстонии затрудняло интеграцию русскоязычных мигрантов в эстонское общество и оказывало негативное влияние на межэтнические отношения в республике (Pettai, Hallik, 2002). Отсюда, возможно, неприятие стратегии сепарации ориентированными на мультикультурализм эстонцами. В целом исследователи подчеркивают, что сегментация по этническому принципу, то есть раздельное существование в обществе непересекающихся культурных и этнических групп, противоречит самой идее мультикультурализма, поскольку в его основе лежит идея межкультурного взаи-

модействия (Ward et al., 2020). В Кыргызстане относительная численность русского населения невелика (всего 5 %² против 24 %³ в Эстонии), в связи с чем стратегия сепарации, выбираемая русскими, вероятно, воспринимается менее негативно: в силу своей небольшой численности русские Кыргызстана, даже если они выбирают стратегию сепарации, вынуждены контактировать с принимающим населением и так или иначе участвовать в жизни «большого» общества.

Наконец, в третий комплексный фактор с наибольшими нагрузками в обеих странах вошли индикаторы *воспринимаемой инклюзивности контекста* – воспринимаемые проницаемость границ и безопасность, а также дескриптивные межкультурные установки, то есть субъективная оценка того, насколько в эстонском/кыргызском обществе распространены мультикультурные идеологии и практики. И в Эстонии, и в Кыргызстане третий фактор отрицательно связан с ожиданием сепарации русских: чем более инклюзивным представляется членам доминантных групп контекст межкультурного взаимодействия, тем менее они ожидают от представителей меньшинств дистанцирования от принимающего общества. Кроме того, в Эстонии наблюдается отрицательная взаимосвязь третьего фактора с ожиданием ассимиляции русских, а в Кыргызстане положительная взаимосвязь третьего фактора с толерантностью. Таким образом, воспринимаемая инклюзивность контекста, связанная с чувством безопасности, дружелюбности и открытости контекста аккультурации, способствует большему принятию представителей другой культуры.

Что касается взаимосвязей комплексных факторов с показателями психологического благополучия, то в Кыргызстане нами обнаружена положительная взаимосвязь *ориентации на мультикультурализм* с самоуважением, а в Эстонии – с удовлетворенностью жизнью (на уровне тенденции); *воспринимаемая инклюзивность контекста* в обеих странах положительно связана с удовлетворенностью жизнью, а в Эстонии – с самоуважением; в Эстонии *этнокультурная самобытность* положительно связана с самоуважением. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют об адаптивном потенциале выделенных нами комплексных факторов.

Заключение

В настоящем исследовании изучался взаимный вклад индивидуально-личностных и контекстуальных характеристик в успешность адаптации этнического большинства к тем изменениям, которые происходят в процессе аккультурации. Индивидуально-личностные характеристики участников аккультурационного процесса и особенности контекста представляют собой часть сложной динамической системы, компоненты которой находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, а потому изучение совместного

² Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Численность постоянного населения Кыргызстана. URL: <https://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 17.11.2023).

³ *Statistics Estonia*. RV0222U: Population by sex, ethnic nationality and county, 1 January. 2020. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=RV0222U> (дата обращения: 09.02.2024).

вклада этих факторов в успешность адаптации может способствовать более глубокому пониманию процесса аккультурации и его результатов.

Отвечая на первый исследовательский вопрос, мы выделили три универсальных комплексных фактора адаптации в каждой из исследуемых стран: этнокультурная самобытность, ориентация на мультикультурализм и воспринимаемая инклюзивность контекста. Несмотря на их универсальность, наполнение этих комплексных факторов и характер взаимосвязей между их компонентами различаются и отражают культурную специфику исследуемых стран.

Отвечая на второй исследовательский вопрос, мы выявили культурно-универсальные и культурно-специфические взаимосвязи комплексных факторов с аккультурационными ожиданиями, толерантностью и психологическим благополучием эстонцев и кыргызов. И в Эстонии, и в Кыргызстане этнокультурная самобытность демонстрирует положительную связь с эксклюзивными межгрупповыми установками. Ориентация на мультикультурализм в обеих странах положительно связана с ожиданием интеграции и отрицательно — с ожиданием ассимиляции. Наконец, воспринимаемая инклюзивность контекста в обоих социокультурных контекстах отрицательно связана с ожиданием сепарации русских. Культурно-специфической является связь между ориентацией на мультикультурализм и ожиданием сепарации: у эстонцев она отрицательная, у кыргызов — положительная.

Все три комплексных фактора демонстрируют позитивные взаимосвязи с показателями психологической адаптации этнического большинства: в обеих странах воспринимаемая инклюзивность контекста положительно связана с удовлетворенностью жизнью (а в Эстонии и с самоуважением), ориентация на мультикультурализм положительно связана с самоуважением (в Кыргызстане) и удовлетворенностью жизнью (в Эстонии), этнокультурная самобытность положительно — с самоуважением (в Эстонии).

Результаты настоящего исследования могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения взаимной адаптации мигрантов/этнических меньшинств и принимающего населения. С учетом того, что позитивные межгрупповые установки и психологическое благополучие представителей этнического большинства являются важным условием для формирования гармоничных межэтнических взаимоотношений, «взгляд» на аккультурацию со стороны большинства может быть полезен при разработке программ и рекомендаций, связанных с поддержкой мигрантов и этнических меньшинств.

Существенным *ограничением* настоящего исследования является узкий набор изучаемых переменных. Включение в анализ дополнительных индивидуально-личностных и контекстуальных характеристик поможет расширить наполнение комплексных факторов, что будет способствовать обогащению теоретических представлений о взаимной роли воспринимаемого контекста и особенностей личности в процессе аккультурации.

Список литературы

- Абдылдаева Т.Ч. Этнорелигиозная ситуация в современном Кыргызстане // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 2-1. С. 178–190. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-2-178-190>
- Берри Д.У., Галяпина В.Н., Лебедева Н.М., Лениокова З.Х., Рябиченко Т.А. Межкультурные отношения в Грузии и Таджикистане: постконфликтная модель // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 16. № 2. С. 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Велкова К. Множественные идентичности русских и болгар: кросс-культурный анализ // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 73. С. 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i73.174>
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
- Badea C., Iyer A., Aebischer V. National identification, endorsement of acculturation ideologies and prejudice: The impact of the perceived threat of immigration // *International Review of Social Psychology*. 2018. Vol. 31. No 1. Article 14. <https://doi.org/10.5334/irsp.147>
- Badea C., Jetten J., Iyer A., Er-Rafiy A. Negotiating dual identities: The impact of group-based rejection on identification and acculturation // *European Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 41. No 5. Pp. 586–595. <https://doi.org/10.1002/ejsp.786>
- Berry J.W. *Multicultural Ideology Scale* revision. Unpublished document in progress. 2020.
- Berry J.W. *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 452 p. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Bourhis R.Y., Moïse L.C., Perreault S., Senécal S. Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach // *International Journal of Psychology*. 1997. Vol. 32. No 6. Pp. 369–386. <https://doi.org/10.1080/002075997400629>
- Breugelmans S.M., Van De Vijver F.J.R. Antecedents and components of majority attitudes toward multiculturalism in the Netherlands // *Applied Psychology*. 2004. Vol. 53. No 3. Pp. 400–422. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2004.00177.x>
- Curtis K.A. Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity // *European Union Politics*. 2014. Vol. 15. No 4. Pp. 521–546. <https://doi.org/10.1177/1465116514528058>
- Droseltis O., Vignoles V.L. Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. Vol. 30. No 1. Pp. 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Eccleston C.P., Major B.N. Attributions to discrimination and self-esteem: The role of group identification and appraisals // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2006. Vol. 9. No 2. Pp. 147–162. <https://doi.org/10.1177/1368430206062074>
- Golino H.F., Epskamp S. Exploratory graph analysis: A new approach for estimating the number of dimensions in psychological research // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12. No 6. P. e0174035. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0174035>
- Haugen I., Kunst J.R. A two-way process? A qualitative and quantitative investigation of majority members' acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2017. Vol. 60. Pp. 67–82. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.07.004>
- Hui B.P.H., Chen S.X., Leung C.M., Berry J.W. Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 45. Pp. 70–84. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.002>

- Inguglia C., Musso P., Albiero P., Cassibba R., Iannello N.M., Lo Cricchio M.G., Liga F., Berry W.J., Lo Coco A. Mutual intercultural relations among immigrant and autochthonous youth in Italy. Testing the integration, multiculturalism, and contact hypotheses // *Ricerche Di Psicologia*. 2020. Vol. 43. No 1. Pp. 45–79. <https://doi.org/10.3280/rip2020-001004>
- Kunst J.R., Lefringhausen K., Sam D.L., Berry J.W., Dovidio J.F. The missing side of acculturation: How majority-group members relate to immigrant and minority-group cultures // *Current Directions in Psychological Science*. 2021a. Vol. 30. No 6. Pp. 485–494. <https://doi.org/10.1177/096372142111040771>
- Kunst J.R., Lefringhausen K., Skaar S.W., Obaidi M. Who adopts the culture of ethnic minority groups? A personality perspective on majority-group members' acculturation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2021b. Vol. 81. Pp. 20–28. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.01.001>
- Lefringhausen K., Ferenczi N., Marshall T.C. Self-protection and growth as the motivational force behind majority group members' cultural adaptation and discrimination: A parallel mediation model via intergroup contact and threat // *International Journal of Psychology*. 2020. Vol. 55. No 4. Pp. 532–542. <https://doi.org/10.1002/ijop.12620>
- Lefringhausen K., Marshall T.C., Ferenczi N., Zagefka H., Kunst J. R. Majority members' acculturation: How proximal-acculturation relates to expectations of immigrants and intergroup ideologies over time // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2023. Vol. 26. No 5. Pp. 953–984. <https://doi.org/10.1177/13684302221096324>
- Leong C.-H. A multilevel research framework for the analyses of attitudes toward immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32. No 2. Pp. 115–129. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2007.10.002>
- López-Rodríguez L., Zagefka H., Navas M., Cuadrado I. Explaining majority members' acculturation preferences for minority members: A mediation model // *International Journal of Intercultural Relations*. 2014. Vol. 38. Pp. 36–46. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.07.001>
- Marsh H.W., Morin A.J.S., Parker P.D., Kaur G. Exploratory structural equation modeling: An integration of the best features of exploratory and confirmatory factor analysis // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2014. Vol. 10. No 1. Pp. 85–110. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-032813-153700>
- Martinovic B., Verkuyten M. Host national and religious identification among Turkish Muslims in Western Europe: The role of ingroup norms, perceived discrimination and value incompatibility // *European Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 42. No 7. Pp. 893–903. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1900>
- Pettai V., Hallik K. Understanding processes of ethnic control: Segmentation, dependency and co-optation in post-communist Estonia // *Nations and Nationalism*. 2002. Vol. 8. No 4. Pp. 505–529. <https://doi.org/10.1111/1469-8219.00063>
- Piontkowski U., Florack A., Hoelker P., Obdržálek P. Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups // *International Journal of Intercultural Relations*. 2000. Vol. 24. No 1. Pp. 1–26. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(99)00020-6)
- Pullmann H., Allik J. The Rosenberg Self-Esteem Scale: Its dimensionality, stability and personality correlates in Estonian // *Personality and Individual Differences*. 2000. Vol. 28. No 4. Pp. 701–715. [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(99\)00132-4](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(99)00132-4)
- Riek B.M., Mania E.W., Gaertner S.L. Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. No 4. Pp. 336–353. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1004_4

- Safdar S., Dupuis D.R., Lewis R.J., El-Geledi S., Bourhis R.Y.* Social axioms and acculturation orientations of English Canadians toward British and Arab Muslim immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32. No 5. Pp. 415–426. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2008.03.002>
- Stuart J., Ward C.* Exploring everyday experiences of cultural diversity: The construction, validation, and application of the normative multiculturalism scale // *European Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 49. No 2. Pp. 313–332. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2542>
- Valk A.* Miks ja kuidas hoida oma päritolu identiteeti? // *Mitmekeelne Haridus*. 2018. No 2. Pp. 5–9.
- Van Oudenhoven J.P., Hofstra J.* Personal reactions to “strange” situations: Attachment styles and acculturation attitudes of immigrants and majority members // *International Journal of Intercultural Relations*. 2006. Vol. 30. No. 6. Pp. 783–798. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.05.005>
- Verkuyten M.* Discourses about ethnic group (de-)essentialism: Oppressive and progressive aspects // *British Journal of Social Psychology*. 2003. Vol. 42. No 3. Pp. 371–391. <https://doi.org/10.1348/014466603322438215>
- Verkuyten M.* Ethnic group identification and group evaluation among minority and majority groups: Testing the multiculturalism hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88. No 1. Pp. 121–138. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.121>
- Verkuyten M.* Public attitudes towards migrants: understanding cross-national and individual differences // *World Psychiatry*. 2021. Vol. 20. No 1. Pp. 132–133. <https://doi.org/10.1002/wps.20819>
- Verkuyten M.* Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. No 3. Pp. 341–357. <https://doi.org/10.1177/1368430207078695>
- Verkuyten M., Brug P.* Multiculturalism and group status: The role of ethnic identification, group essentialism and protestant ethic // *European Journal of Social Psychology*. 2004. Vol. 34. No 6. Pp. 647–661. <https://doi.org/10.1002/ejsp.222>
- Verkuyten M., Reijerse A.* Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: The interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability // *European Journal of Social Psychology*. 2008. Vol. 38. No 1. Pp. 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp.395>
- Verkuyten M., Thijs J.* Multiculturalism among minority and majority adolescents in the Netherlands // *International Journal of Intercultural Relations*. 2002. Vol. 26. No 1. Pp. 91–108. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(01\)00039-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(01)00039-6)
- Ward C., Kim I., Karl J.A., Epstein S., Park H.-J.* How normative multiculturalism relates to immigrant well-being // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2020. Vol. 26. No 4. Pp. 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Wolsko C., Park B., Judd C.M.* Considering the tower of babel: Correlates of assimilation and multiculturalism among ethnic minority and majority groups in the United States // *Social Justice Research*. 2006. Vol. 19. No 3. Pp. 277–306. <https://doi.org/10.1007/s11211-006-0014-8>

История статьи:

Поступила в редакцию 9 февраля 2024 г.

Принята к печати 15 марта 2024 г.

Для цитирования:

Трифонов А.В., Лебедева Н.М. Контекстуальные и индивидуально-личностные факторы психологической адаптации этнического большинства в Эстонии и Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 466–489. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-466-489>

Вклад авторов:

А.В. Трифонов – концепция и дизайн исследования, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста. Н.М. Лебедева – концепция и дизайн исследования, сбор данных, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Трифонов Анастасия Валентиновна, выпускница аспирантской школы по психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация). ORCID: 0000-0001-8780-7859, ResearcherID: ABF-7211-2020, ScopusID: 35095719100, SPIN-код: 6029-8489. E-mail: avtrifonova@hse.ru

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор, профессор департамента психологии факультета социальных наук, научный руководитель Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация). ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-код: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-466-489

EDN: KMTXKG

UDC 159.9:316.6

Research article

Contextual and Individual-Personal Factors of the Psychological Adaptation of the Ethnic Majority in Estonia and Kyrgyzstan

Anastasiia V. Trifonova , Nadezhda M. Lebedeva

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

 avtrifonova@hse.ru

Abstract. In the process of acculturation individual-personal and contextual factors do not operate independently of each other but demonstrate close relationships. In this regard, it is important to consider personal and contextual factors of adaptation together, within the framework of a single integrated approach. This exploratory study was aimed at investigating complex personal-contextual factors of the psychological adaptation of the ethnic majority in Estonia and Kyrgyzstan. The sample consisted of 300 Estonians ($M_{\text{age}} = 37.09$, $SD = 17.34$; females = 46.4 %) and 300 Kyrgyz ($M_{\text{age}} = 35.83$, $SD = 16.47$; females = 68.0 %). The au-

thors used scales from *The MIRIPS Questionnaire*, *The Place Identity Scale* (O. Droseltis and V.L. Vignoles) and methods for measuring identities and intercultural attitudes developed at CSCR of HSE. Psychological adaptation was measured using *The Satisfaction with Life Scale* — *SWLS* by E. Diener and *The Self-Esteem Scale* — *RSES* by M. Rosenberg. Exploratory structural equation modeling (ESEM) was used to identify three complex factors in both countries: ethnocultural identity, multicultural orientation, and perceived inclusiveness of context. According to the results, in both Estonia and Kyrgyzstan, ethnocultural identity was positively related to exclusive acculturation expectations; multicultural orientation was positively related to the expectation of integration and negatively related to the expectation of assimilation; and perceived inclusiveness of context was negatively related to the expectation of separation. Positive relationships between perceived inclusiveness of context and indicators of psychological well-being were also culturally universal.

Keywords: acculturation, acculturation expectations, ethnic majority, psychological well-being, Estonia, Kyrgyzstan

Acknowledgements and Funding. N.M. Lebedeva: the study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

References

- Abdyldaeva, T.Ch. (2018). Ethno-religious situation in modern Kyrgyzstan. *Modern Studies of Social Issues*, 10(2-1), 178–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-2-178-190>
- Badea, C., Iyer, A., & Aebischer, V. (2018). National identification, endorsement of acculturation ideologies and prejudice: The impact of the perceived threat of immigration. *International Review of Social Psychology*, 31(1), 14. <https://doi.org/10.5334/irsp.147>
- Badea, C., Jetten, J., Iyer, A., & Er-rafiy, A. (2011). Negotiating dual identities: The impact of group-based rejection on identification and acculturation. *European Journal of Social Psychology*, 41(5), 586–595. <https://doi.org/10.1002/ejsp.786>
- Berry, J.W. (2017). *Mutual intercultural relations*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Berry, J.W. (2020). *Multicultural ideology scale revision*. Unpublished document in progress.
- Berry, J.W., Galyapina, V.N., Lebedeva, N.M., Lepshokova, Z.Kh., & Ryabichenko, T.A. (2019). Intercultural relations in Georgia and Tajikistan: A post-conflict model. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(2), 232–249. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-232-249>
- Bourhis, R.Y., Moïse, L.C., Perreault, S., & Senécal, S. (1997). Towards an interactive acculturation model: A social psychological approach. *International Journal of Psychology*, 32(6), 369–386. <https://doi.org/10.1080/002075997400629>
- Breugelmans, S.M., & Van De Vijver, F.J.R. (2004). Antecedents and components of majority attitudes toward multiculturalism in the Netherlands. *Applied Psychology*, 53(3), 400–422. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2004.00177.x>
- Curtis, K.A. (2014). Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity. *European Union Politics*, 15(4), 521–546. <https://doi.org/10.1177/1465116514528058>
- Droseltis, O., & Vignoles, V.L. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30(1), 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>

- Eccleston, C.P., & Major, B.N. (2006). Attributions to discrimination and self-esteem: The role of group identification and appraisals. *Group Processes & Intergroup Relations*, 9(2), 147–162. <https://doi.org/10.1177/1368430206062074>
- Golino, H.F., & Epskamp, S. (2017). Exploratory graph analysis: A new approach for estimating the number of dimensions in psychological research. *PLoS ONE*, 12(6), e0174035. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0174035>
- Haugen, I., & Kunst, J.R. (2017). A two-way process? A qualitative and quantitative investigation of majority members' acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 60, 67–82. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.07.004>
- Hui, B.P.H., Chen, S.X., Leung, C.M., & Berry, J.W. (2015). Facilitating adaptation and intercultural contact: The role of integration and multicultural ideology in dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 45, 70–84. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.002>
- Inguglia, C., Musso, P., Albiero, P., Cassibba, R., Iannello, N.M., Lo Cricchio, M.G., Liga, F., Berry, W.J., & Lo Coco, A. (2020). Mutual intercultural relations among immigrant and autochthonous youth in Italy. Testing the integration, multiculturalism, and contact hypotheses. *Ricerche Di Psicologia*, 43(1), 45–79. <https://doi.org/10.3280/rip2020-001004>
- Kunst, J.R., Lefringhausen, K., Sam, D.L., Berry, J.W., & Dovidio, J.F. (2021a). The missing side of acculturation: How majority-group members relate to immigrant and minority-group cultures. *Current Directions in Psychological Science*, 30(6), 485–494. <https://doi.org/10.1177/09637214211040771>
- Kunst, J.R., Lefringhausen, K., Skaar, S.W., & Obaidi, M. (2021b). Who adopts the culture of ethnic minority groups? A personality perspective on majority-group members' acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 81, 20–28. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.01.001>
- Lebedeva, N.M., & Tatarko, A.N. (Eds.). (2009). *Strategies for intercultural interaction between migrants and the host population of Russia*. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Lefringhausen, K., Ferenczi, N., & Marshall, T.C. (2020). Self-protection and growth as the motivational force behind majority group members' cultural adaptation and discrimination: A parallel mediation model via intergroup contact and threat. *International Journal of Psychology*, 55(4), 532–542. <https://doi.org/10.1002/ijop.12620>
- Lefringhausen, K., Marshall, T.C., Ferenczi, N., Zagefka, H., & Kunst, J.R. (2023). Majority members' acculturation: How proximal-acculturation relates to expectations of immigrants and intergroup ideologies over time. *Group Processes & Intergroup Relations*, 26(5), 953–984. <https://doi.org/10.1177/13684302221096324>
- Leong, C.-H. (2008). A multilevel research framework for the analyses of attitudes toward immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 32(2), 115–129. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2007.10.002>
- López-Rodríguez, L., Zagefka, H., Navas, M., & Cuadrado, I. (2014). Explaining majority members' acculturation preferences for minority members: A mediation model. *International Journal of Intercultural Relations*, 38, 36–46. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.07.001>
- Marsh, H.W., Morin, A.J.S., Parker, P.D., & Kaur, G. (2014). Exploratory structural equation modeling: An integration of the best features of exploratory and confirmatory factor analysis. *Annual Review of Clinical Psychology*, 10(1), 85–110. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-032813-153700>
- Martinovic, B., & Verkuyten, M. (2012). Host national and religious identification among Turkish Muslims in Western Europe: The role of ingroup norms, perceived discrimination and value incompatibility. *European Journal of Social Psychology*, 42(7), 893–903. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1900>
- Pettai, V., & Hallik, K. (2002). Understanding processes of ethnic control: segmentation, dependency and co-optation in post-communist Estonia. *Nations and Nationalism*, 8(4), 505–529. <https://doi.org/10.1111/1469-8219.00063>

- Piontkowski, U., Florack, A., Hoelker, P., & Obdržálek, P. (2000). Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, 24(1), 1–26. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(99\)00020-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(99)00020-6)
- Pullmann, H., & Allik, J. (2000). The Rosenberg Self-Esteem Scale: Its dimensionality, stability and personality correlates in Estonian. *Personality and Individual Differences*, 28(4), 701–715. [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(99\)00132-4](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(99)00132-4)
- Riek, B.M., Mania, E.W., & Gaertner, S.L. (2006). Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(4), 336–353. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1004_4
- Safdar, S., Dupuis, D.R., Lewis, R.J., El-Geledi, S., & Bourhis, R.Y. (2008). Social axioms and acculturation orientations of English Canadians toward British and Arab Muslim immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 32(5), 415–426. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2008.03.002>
- Stuart, J., & Ward, C. (2019). Exploring everyday experiences of cultural diversity: The construction, validation, and application of the normative multiculturalism scale. *European Journal of Social Psychology*, 49(2), 313–332. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2542>
- Valk, A. (2018). Miks ja kuidas hoida oma päritolu identiteeti? *Mitmekeelne Haridus*, (2), 5–9.
- Van Oudenhoven, J.P., & Hofstra, J. (2006). Personal reactions to ‘strange’ situations: Attachment styles and acculturation attitudes of immigrants and majority members. *International Journal of Intercultural Relations*, 30(6), 783–798. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.05.005>
- Velkova, K. (2020). Multiple identities of Russians and Bulgarians: Intercultural comparison. *Psychological studies*, 13(73), 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i73.174>
- Verkuyten, M. (2003). Discourses about ethnic group (de-)essentialism: Oppressive and progressive aspects. *British Journal of Social Psychology*, 42(3), 371–391. <https://doi.org/10.1348/014466603322438215>
- Verkuyten, M. (2005). Ethnic group identification and group evaluation among minority and majority groups: Testing the multiculturalism hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 88(1), 121–138. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.121>
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*, 10(3), 341–357. <https://doi.org/10.1177/1368430207078695>
- Verkuyten, M. (2021). Public attitudes towards migrants: understanding cross-national and individual differences. *World Psychiatry*, 20(1), 132–133. <https://doi.org/10.1002/wps.20819>
- Verkuyten, M., & Brug, P. (2004). Multiculturalism and group status: The role of ethnic identification, group essentialism and protestant ethic. *European Journal of Social Psychology*, 34(6), 647–661. <https://doi.org/10.1002/ejsp.222>
- Verkuyten, M., & Reijerse, A. (2008). Intergroup structure and identity management among ethnic minority and majority groups: the interactive effects of perceived stability, legitimacy, and permeability. *European Journal of Social Psychology*, 38(1), 106–127. <https://doi.org/10.1002/ejsp.395>
- Verkuyten, M., & Thijs, J. (2002). Multiculturalism among minority and majority adolescents in the Netherlands. *International Journal of Intercultural Relations*, 26(1), 91–108. [https://doi.org/10.1016/s0147-1767\(01\)00039-6](https://doi.org/10.1016/s0147-1767(01)00039-6)
- Ward, C., Kim, I., Karl, J.A., Epstein, S., & Park, H.-J. (2020). How normative multiculturalism relates to immigrant well-being. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 26(4), 581–591. <https://doi.org/10.1037/cdp0000317>
- Wolsko, C., Park, B., & Judd, C.M. (2006). Considering the tower of babel: Correlates of assimilation and multiculturalism among ethnic minority and majority groups in the United States. *Social Justice Research*, 19(3), 277–306. <https://doi.org/10.1007/s11211-006-0014-8>

Article history:

Received 9 February 2024

Revised 14 March 2024

Accepted 15 March 2024

For citation:

Trifonova, A.V., & Lebedeva, N.M. (2024). Contextual and individual-personal factors of the psychological adaptation of the ethnic majority in Estonia and Kyrgyzstan. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 466–489. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-466-489>

Author's contribution:

Anastasiia V. Trifonova – concept and design of the study, data processing and analysis, text writing, text editing.

Nadezhda M. Lebedeva – concept and design of the study, data collection, data processing and analysis, text writing, text editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes

Anastasiia V. Trifonova, Graduate, Doctoral school of psychology, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8780-7859, ResearcherID: ABF-7211-2020, SPIN-code: 6029-8489. E-mail: avtrifonova@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva, Doctor of Psychology, Academic Supervisor of the Centre for Sociocultural Research, Professor, Faculty of Social Science, School of Psychology, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-code: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru